

ГЛАВА 1

Майкл Роган взглянул на сверкающую огнями вывеску над самым крутым ночным клубом Гамбурга. «Sinnlich! Schamlos! Sundig!» — «Чувственно! Бесстыдно! Греховно!» Похоже, владельца ничуть не смущало то, что он продает. Роган достал из кармана маленькую фотографию и какое-то время изучал ее в красном свете лампы над дверью. Он видел эту фотографию сотни раз, но все равно нервничал, не был уверен, что узнает изображенного на ней человека. Люди сильно меняются за десять лет, Роган это знал. Он и сам сильно изменился.

За дверями обнаружился подобострастно кланявшийся привратник. Внутри было темно, если не считать голубого экрана, мерцавшего на заднике небольшой прямоугольной сцены. Роган прошел мимо занятых столиков, шумной, пахнущей спиртным толпы. И тут вдруг в помещении вспыхнули огни. Теперь его фигура отчетливо вырисовалась на фоне сцены, где танцевали обнаженные молоденькие девушки. Однако же и ему стали лучше вид-

ны лица посетителей, сидевших за выстроенными полукругом столиками. Официантка коснулась его руки. И кокетливо произнесла по-немецки:

— Герр американер желает чего-нибудь особенного?..

Роган отвернулся от нее, раздраженный тем, что девица с такой легкостью распознала в нем американца. Он почувствовал, как кровь запульсировала под серебряной пластиной, скрепляющей кости черепа, — опасный симптом. Следует сделать работу как можно быстрее и вернуться в гостиницу. Роган двинулся по помещению клуба, заглядывая в каждый темный угол, где веселые бургеры пили пиво из высоких объемистых кружек и привычно лапали первых попавшихся под руку официанток, осматривая кабинеты со шторками, где на кожаных диванах лежали мужчины и изучали фотографии танцовщиц, прежде чем взяться за телефон и пригласить к себе понравившуюся девушку.

Роган нервничал. У него оставалось не так много времени. Он резко развернулся лицом к сцене. За спинами обнаженных танцовщиц в занавесе была установлена прозрачная панель. Через нее посетители заведения могли видеть строй новых девушек, готовых выйти на сцену. Они аплодировали всякий раз, когда одна из девушек снимала бюстгальтер или чулок. Чей-то пьяный голос громко выкрикнул:

— Милашки! Ах вы милашки мои! Люблю вас всех! Всех бы переимел!

Роган повернулся на этот голос и улыбнулся в темноте. Он вспомнил голос. За десять лет тот ничуть не изменился. Низкий, с придыханием, с отчетливо слышным баварским акцентом, фальшиво дружелюбный. И Роган быстро пошел на него. Отвернул полу пиджака, нажал на кнопку кожаной кобуры, где лежал «вальтер», другой рукой вытаскивая из кармана глушитель.

И вот он оказался перед столиком, лицом к лицу с человеком, которого никогда не забывал, память о котором хранил на протяжении десяти лет.

Голос не обманул — это был Карл Пфан. Немец набрал фунтов пятьдесят, никак не меньше, и заметно облысел, лишь несколько белесых прядей, зачесанных поперек, липли к жирной коже головы. А рот все такой же — маленький, злобный, каким запомнил его Роган. Он уселся за соседний столик и заказал выпивку. Когда свет в зале погас и за сценой вновь вспыхнул голубой мерцающий экран, Роган осторожно вытянул «вальтер» из кобуры и, держа руки под столом, навинтил на ствол глушитель. Прицел слегка сбит, на точное попадание можно рассчитывать лишь с пяти ярдов. Роган слегка сдвинулся вправо и похлопал Карла Пфана по плечу.

Тот повернул к нему голову, склонил блестящую лысину, и фальшиво дружелюбный голос, сшившийся Рогану на протяжении вот уже десяти лет, спросил:

— Да, mein Freund, чего желаете?

Тихим хриплым голосом Роган ответил:

— Просто я твой старый приятель. Мы заключили сделку на Масленицу, в понедельник, в 1945 году. В Мюнхенском дворце правосудия.

Представление на миг отвлекло Карла Пфана, глаза смотрели на сцену.

— Нет, нет, этого быть не может, — нетерпеливо произнес он. — В 1945 году я служил отечеству. А бизнесменом стал только после войны.

— Когда ты был нацистом, — сказал Роган. — Когда был палачом и мучителем... Когда был убийцей. — Пульс бешено бился под серебряной пластиной в черепе. — Я Майкл Роган. Служил в американской разведке. Теперь вспомнил?..

Раздался звон разбитого стекла. Карл Пфан резко развернулся всем телом и уставился в темноте на Рогана. И тихим угрожающим голосом произнес:

— Майкл Роган мертв. Чего ты от меня хочешь?

— Мне нужна твоя жизнь, — ответил Роган.

Быстрым движением он извлек из-под стола пистолет, стволом уперся в живот Пфана и спустил курок. Немец содрогнулся всем телом. Роган выстрелил второй раз. Захлебывающийся предсмертный крик Пфана заглушил дружный взрыв смеха в зале — на экране в этот момент возникла забавная сценка обольщения.

Тело Пфана осело в кресле. Его смерть никто не заметит до тех пор, пока не кончится представ-

ление. Роган свинтил глушитель со ствола пистолета, разложил разобранное оружие по карманам. Затем поднялся и не спеша двинулся по темному залу к выходу. Привратник в изукрашенном золотым шитьем камзоле отдал ему честь и свистнул, пытаясь вызвать такси, но Роган отвернулся и зашагал по аллее к порту. Довольно долго он шел по набережной, пока сердце не стало биться медленнее и пульсация крови под пластиной не прекратилась. В свете холодной луны северной Германии виднелись разрушенные причалы для боевых кораблей и ржавые корпуса подводных лодок — жуткие призраки войны.

Итак, Карл Пфан мертв. С двумя покончено, осталось пятеро, мрачно подумал Роган. И тогда десять лет ночных кошмаров останутся позади и он смирится с серебряной пластиной в черепе, с несмолкаемыми криками Кристины, зовущей его по имени, умоляющей о спасении. И с тем страшным моментом, вспышкой возникающим перед глазами, когда семеро мужчин приговорили его к смерти и начали убивать под высоким сводчатым куполом Мюнхенского дворца правосудия, как какое-то животное. Они хотели умертвить его, лишив этот акт всякого достоинства, со смехом, словно в шутку.

Холодный ветер с моря пробирал до костей, и Роган повернулся и зашагал по Рипербан, миновал полицейский участок и вышел на Давидштрассе. Полиции он не боялся. Свет в ночном клубе был приглушенный, вряд ли кто-либо мог

как следует разглядеть его, чтобы достаточно точно описать потом. И все же, соблюдая меры предосторожности, он свернул на узкую боковую улочку, где на углу на большой деревянной доске висел предупреждающий знак: «Юношам вход воспрещен!» Эта улица ничем не отличалась от других, пока он не свернул за угол.

Он оказался на Рипербан, в знаменитом районе Гамбурга, отведенном под легальную проституцию. Кругом неспешно и во множестве прогуливались мужчины. На первый взгляд трехэтажные здания цвета имбирного пряника ничем не отличались от других. Одно исключение: окна первых этажей походили на витрины, и прекрасно было видно, что творится внутри. В креслах и на диванах сидели молоденькие девушки, читали, попивали кофе, болтали или просто мечтательно смотрели в потолок. Таких красавиц Роган никогда не встречал.

Некоторые из них делали вид, что наводят порядок на кухне, но на них не было ничего надето, кроме фартучков, доходивших до середины бедра, а сзади — ровным счетом ничего. На каждом доме красовалась вывеска: «30 марок за час». На нескольких окнах были опущены шторы. На черной ткани штор золотым тиснением было выведено: «Ausverkauf» — «Продано». Это означало, что некий молодец ангажировал девушку на всю ночь.

На глаза ему попала одна блондинка. Она читала книжку, сидя за оцинкованным столиком

в кухне. Выглядела такой одинокой, глаз на людную улицу не поднимала; возле раскрытой книги — пятно от пролитого кофе. Роган стоял у окна и ждал, когда она поднимет голову, хотелось увидеть ее лицо. Но она все не поднимала. Может, она уродлива, как черт, подумал Роган. Он был готов заплатить ей тридцать марок, чтобы на какое-то время забыться, передохнуть, прежде чем предпринять долгий путь до гостиницы. Ему было вредно перевозбуждаться, врачи предупреждали об этом, а женщина с безобразным лицом возбудить не может. Из-за пластины в черепе Рогану не рекомендовалось пить крепкие спиртные напитки, чересчур активно заниматься любовью, даже злиться. А вот на тему того, можно ли ему убивать, не было сказано ни слова.

Войдя в ярко освещенную кухню, он увидел, что девушка очень красива. Она с сожалением закрыла книгу, встала, взяла его за руку и повела во внутреннее помещение дома. Роган ощутил бешеный прилив желания, от которого задрожали колени и зачастило сердце. Очевидно, добавилась реакция на убийство с последующим бегством, ему казалось, он вот-вот потеряет сознание. Он тяжело опустился на край постели, откуда-то издалека донесся юный певучий, как флейта, голос:

— Что с вами? Вы больны?

Роган отрицательно помотал головой и потянулся за бумажником. Бросил несколько купюр на постель и сказал:

— Покупаю тебя на ночь. Задерни шторы. А потом... дай мне просто поспать. — Девушка пошла на кухню, Роган достал из кармана рубашки пузырек с таблетками, высыпал на ладонь две, закинул в рот. Это последнее, что он помнил, прежде чем погрузиться в забытие.

Проснувшись, Роган увидел, как сквозь пропыленные стекла окон спальни просачивается мутно-серый свет. Огляделся. Девушка спала на полу, прикрывшись тонким одеялом. Роган перекатился на другой бок, чтобы встать с постели с другой стороны. Опасные симптомы о себе больше не напоминали. Кровь не пульсировала под серебряной пластиной, голова перестала болеть.

Из бумажника ничего не пропало. Пистолет по-прежнему лежал в кармане пиджака. Что ж, мне попалась честная девушка, к тому же наделенная здравым смыслом, подумал Роган. Он обошел постель, чтобы разбудить ее, но она уже проснулась и поднималась на ноги, ее красивое тело сотрясала зябкая дрожь.

В комнате, как заметил Роган, сильно пахло розами, розы были вышиты на оконных занавесках и постельном покрывале. Даже ночную рубашку девушки тоже украшали мелкие вышитые розочки. Она улыбнулась:

— Я Розали. Мне нравится все, связанное с розами, — запах моих духов, вышивка на одежде, все.

Она как-то очень по-детски гордилась своим пристрастием к розам, точно оно придавало ей осо-

бую значимость. Роган счел это забавным. Сел на постель, поманил ее к себе. Розали подошла, встала у него между ног. Он ощущал нежный аромат, пока она медленно стягивала через голову тонкую ночную рубашку. И вот он увидел груди с розовыми сосками, напоминающими клубничины, длинные белые бедра. А потом ее тело обвилось вокруг него, точно нежнейшие шелковистые лепестки, полные полураскрытые губы коснулись его губ и затрепетали от страсти.

ГЛАВА 2

Рогану так понравилась эта девушка, что он решил поселить ее у себя в гостинице на всю следующую неделю. Это предполагало сложные финансовые переговоры с владельцем, но тот в целом не возражал. Розали же была в полном восторге. А что касается Рогана, он испытывал почти отеческое умиление при виде того, как она радуется.

Она пришла в полный восторг, узнав, что гостиница не простая, а известный на весь мир отель под названием «Виер Ярецайтен», самый роскошный в послевоенном Гамбурге. И что все услуги тут оказываются в духе добрых старых традиций времен кайзеровской Германии.

Всю неделю Роган обращался с Розали как с принцессой. Дал ей денег на новую одежду, водил в театр и дорогие рестораны. Девушка она была пылкая, нежная и одновременно — отмеченная какой-то странной отстраненностью, приводившей Рогана в недоумение. Она относилась к нему как к предмету или существу, которое следует любить, ну, как относятся, к примеру, к собаке или друго-

му домашнему питомцу. Она гладила и ласкала его тело как-то бездушно, так поглаживают меховое манто, тихо мурлыкая от удовольствия. Однажды она вернулась из магазинов раньше, чем он ожидал, и застала его за чисткой «вальтера Р-38». То, что Роган является владельцем огнестрельного оружия, ничуть ее не смутило. Ей было все равно, и никаких вопросов по этому поводу она ему не задавала. Отчасти Роган испытал облегчение, увидев такую реакцию, с другой стороны, она показалась ему неестественной.

Опыт приучил Рогана к тому, что после убийства нужно хотя бы неделю передохнуть. Следующим пунктом назначения был Берлин, и Майкл никак не мог решить, стоит ли брать Розали с собой в этот поделенный на две части город. В конце концов решил, что нет. Ведь все могло закончиться скверно, да и девушка по его вине может пострадать. И вот в последнюю ночь он сказал ей, что завтра прямо с утра уезжает, и отдал все деньги, что были в бумажнике. Она как-то странно-рассеянно взяла эти купюры, бросила на кровать и начала раздеваться. И никаких эмоций, кроме чисто физического животного голода по его телу. То была последняя их ночь, и ей хотелось заниматься любовью бесконечно. Как бы между прочим Розали спросила:

— Зачем тебе ехать в Берлин?

Роган уставился на ее гладкие кремовые плечи.

— По делу, — коротко ответил он.